

КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ ИМЧИН-2 И НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИМЧИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

О.В. Яншина

Рассматривается уникальная проблема археологии Сахалина – появление здесь в позднем неолите имчинской культуры. Эта культура столь резко отличается от предшествующей ей южно-сахалинской (или культуры сони), что подчас создается ощущение полной ассимиляции последней носителями пришлых традиций. Между тем происхождение имчинской культуры до сих пор остается неясным. В данной публикации детально рассматривается керамическая коллекция стоянки Имчин-2, ключевого памятника имчинской культуры. В историографии на основании его материалов устанавливается очень длительная хронология имчинской культуры, а также выделяются два этапа в её развитии. Анализ керамической коллек-

ции позволяет, однако, утверждать, что в материалах стоянки Имчин-2 помимо собственно имчинской посуды, аналогичной керамике однослойной стоянки Имчин-12, представлены также разрозненные фрагменты керамики южно-сахалинской культуры, керамика тунайчинского типа, а также группа сосудов с очень обильной минеральной примесью. Что касается собственно имчинской керамической традиции, то в свете новых данных, полученных недавно для южно-сахалинской культуры, её истоки вполне могут быть местными.

Ключевые слова: Сахалин, поздний неолит, поселение Имчин-2, имчинская культура, белькачинская культура, керамика.

Одна из интересных, но пока малопонятных страниц в археологии южной части Дальнего Востока России связана с появлением здесь комплексов позднего неолита: имчинских на Сахалине, вознесеновских в бассейне Амура, зайсановских в Приморье. Интересно, что все эти новые комплексы резко отличаются от предшествующих, подчас создавая ощущение полной ассимиляции местного населения носителями пришлых традиций. Хронологически начало этих процессов относится ко второй половине пятого тысячелетия (не калиб.). Причины, конечно, сложны, и требуется комплексный подход, чтобы приблизиться к их пониманию. В данной публикации основное внимание сосредоточено на событиях, происходивших в это время в амуро-сахалинской зоне.

Общие сведения об имчинской культуре

Имчинская культура была выделена, главным образом, по материалам двух памятников Имчин-2 и Имчин-12, расположенных на северо-восточном побережье Сахалина в междуречье рек Тымь и Имчин (Васильевский, Голубев 1976; Шубина 1985; 1990). Другие памятники либо не раскапывались, либо их коллекции недостаточно репрезентативны (Козырева 1967;

Шубин, Шубина 1987; Можаяев 2013). Поселение Имчин-2 стало фактически первым памятником, позволившим выделить имчинскую культуру как таковую, однако в его коллекции оказались представлены типологически разновременные материалы. Первоначально это было воспринято как свидетельство очень длительного существования культуры (Васильевский, Голубев 1976: 22), однако сейчас в отношении материалов этого памятника и культуры в целом сложилась иная точка зрения.

Согласно новым взглядам, разновременные комплексы поселения Имчин-2 представляют совершенно разные культуры (Васильевский 2008: 212). Одна из них имеет ранненеолитический возраст, с ней связаны находки изделий на пластинах и с резцовым сколом. Вторая культура отражает эпоху среднего неолита на Сахалине, с ней связана керамика, украшенная «верёвочным орнаментом, а также сетчатым штампом в виде ромбов, зигзагов». Третья культура – собственно имчинская – относится к позднему неолиту, её материалы аналогичны находкам на поселении Имчин-12. И, наконец, упоминается также четвёртая, наиболее поздняя, группа находок, относящаяся уже к раннему палеометаллу, её представляет керамика, отощённая минеральной примесью.

К сожалению, все четыре культуры названы имчинскими, что делает практически невозможным использование самого термина «имчинская культура» в привычном для археологов смысле. Кроме того, описание материалов этих четырёх культур дано крайне лапидарное и не позволяет составить о них сколько-нибудь отчётливое представление. Чтобы избежать путаницы, в дальнейшем я буду называть имчинским только поздненеолитический комплекс. В настоящий момент наиболее достоверно его характеризуют материалы однослойной стоянки Имчин-12 (Шубина 1985; 1986; 1987; 1990).

Наиболее яркой чертой имчинской культуры является керамика (Жушиховская, Шубина 1987). Несколько признаков определяют её специфику. Это отощение формовочных масс измельчённой ракушкой, слабопрофилированные формы сосудов с низкой воронковидной шейкой и приземистыми очертаниями, оформление венчиков валиками, а также орнамент в виде вертикальных зигзагов, выполненный гребенчато-пунктирной техникой. Анализ керамической коллекции поселения Имчин-2, кроме того, показал, что в ней представлена керамика с более и менее развитыми чертами. Керамика более примитивного облика связана с жилищами 2, 4-7, 23, а более развитого – с жилищами 1, 20, 21. Последнюю отличает отсутствие в составе теста игольчатых пор, появление в составе теста минеральной примеси, некоторое улучшение качества обработки поверхностей, а в декоре появление новых элементов. На основании этих наблюдений сделан вывод о том, что керамика более развитого облика может отражать более поздний этап существования культуры (Шубина, Жушиховская 1986; Жушиховская, Шубина 1987).

Хронология имчинской культуры остаётся не вполне ясной. Даты с поселения Имчин-12, полученные по углю, укладываются в интервал 3340-4340 С¹⁴ л.н., по нагару – 4425-4610 С¹⁴ л.н. Даты с поселения Имчин-2 имеют очень большой разброс значений и не вполне ясно, какие из них собственно имчинские (табл. 1). Если отбросить те из них, что имеют слишком большое отклонение (МАГ-673; 674; 680), то оставшиеся образуют четыре интервала (1) 2570-2640 (2) 3120-3500 (3) 4060-4500 (4) 5650-5810 С¹⁴ л.н. (рис. 1).

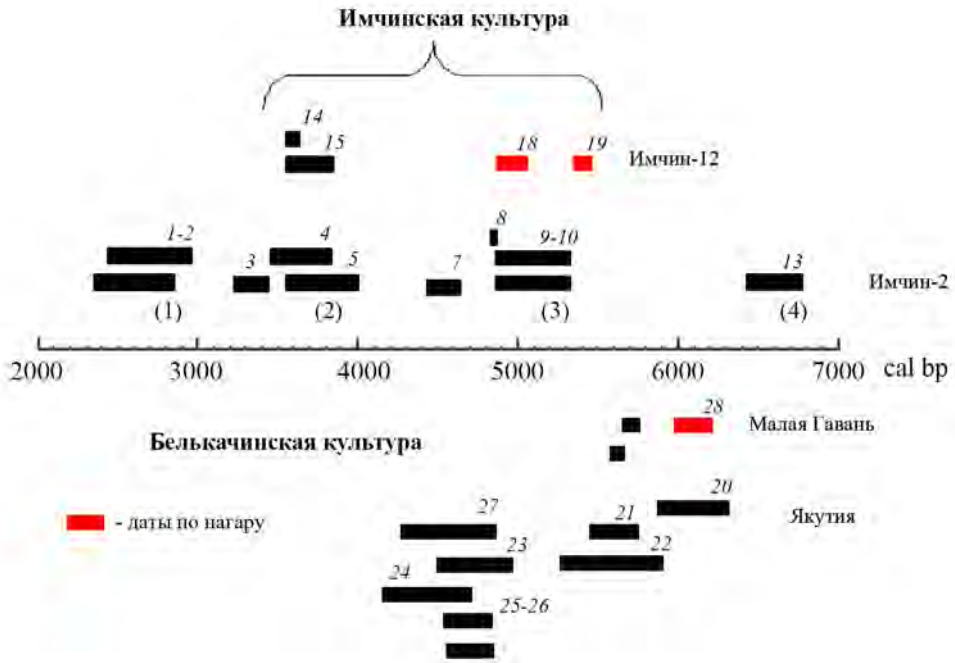

Рис. 1. Хронология имчинской и белькачинской культур (номера дат на схеме соответствую номерам дат в табл. 1)

А.А. Василевский полагает, что даты первого интервала имеют отношение к керамике с минеральной примесью, даты четвёртого – самого раннего – интервала он соотносит с верёвочной керамикой, аналогии которой находит в памятниках белькачинской и ымыяхтахской культур, а все остальные даты – собственно с имчинской культурой (Василевский 2008: 213). Таким образом, получается, что имчинская керамика с примесью ракушки и гребенчатыми узорами существовала в течение почти полутора тысяч лет, что для позднего неолита многовато. Это даёт основания для более внимательного отношения к вопросу о внутренней хронологии имчинской культуры.

Большой проблемой остаётся и вопрос её происхождения. Современные представления об этом определяются двумя факторами. Во-первых, отсутствием на Сахалине местных истоков данной культуры (Шубина 1990; Василевский 2008). Во-вторых, участием в её формировании нижнеамурского культурного субстрата, представленного вознесеновской культурой, в керамических традициях которой можно найти два самых ярких имчинских признака – ракушечную технологию и гребенчато-пунктирную орнаментацию (Василевский 2008: 222-223). В конечном счете эти представления вылились в концепцию имчинского варианта вознесеновской культуры (Можжаев 2013).

В то же время существует и противоположное мнение, высказанное И.Я. Шевкомудом (2004: 138-139). Он полагал, что ракушечная технология отощения керамики в вознесеновском гончарстве была имчинской по происхождению. Более того, он считал, что ракушечная технология, впервые появившись в бассейне Амура на ранних (!) этапах сложения вознесенов-

ской культуры, стала постепенно проникать в состав керамических традиций самой вознесеновской культуры и очень скоро почти полностью вытеснила последние (Шевкомуд 2015: 155-157). Проводником этой новой технологии стали носители керамики орельского типа, которая по всем своим признакам была вариантом имчинской.

Керамика поселения Имчин-2

Из представленного выше обзора видно, что в историографии имчинской культуры керамическая коллекция памятника Имчин-2 и его матери-

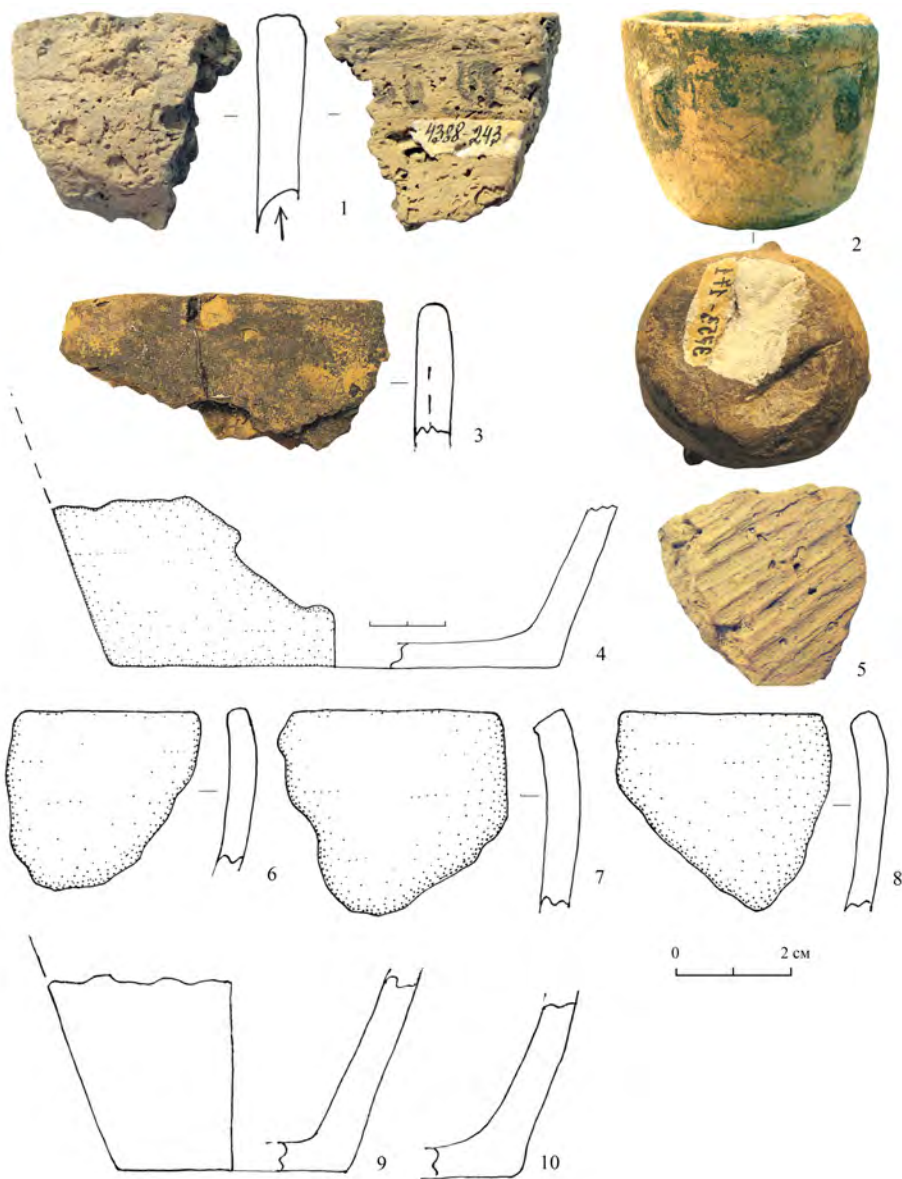

Рис. 2. «Не имчинская» керамика поселения Имчин-2. 1-5 – керамика с примесью крупной раковины; 6-10 керамика с минеральной примесью (1 – жил. 21, колл. № 4388/243; 2, 5 – жил. 1, колл. № 3753/171, 12; 3-4 – жил. 23, колл. № 4787/12-14; 6-10 – жил. 20, колл. № 3760/229, 390, 392 и др.)

Таблица 1

Радиоуглеродные даты белькачинских и имчинских памятников

Памятник	№	Код	М	¹⁴ C, л.н.	Cal BP (± 2 σ)	Источник
Имчинские						
Имчин-2	1	МАГ-672	У	2570±110	2354-2862	Шубин, Шубина 1987
«	2	МАГ-670	У	2640±100	2425-2965	«
«	3	СОАН-1146	У	3120±50	3213-3447	«
«	4	МАГ-671	У	3400±80	3455-3844	«
«	5	МАГ-689	У	3500±100	3556-4006	«
«	6	МАГ-673	У	3700±250	3451-4661	«
«	7	СОАН-1041	У	4060±50	4421-4653	«
«	8	СОАН-1040	У	4250±30	4813-4864	«
«	9	МАГ-683	У	4500±100	4860-5328	«
«	10	МАГ-684	У	4500±100	4860-5328	«
«	11	МАГ-674	У	4570±300	4437-5913	«
«	12	МАГ-680	У	5650±250	5908-7026	«
«	13	СОАН-1145	У	5810±90	6407-6799	«
Имчин-12	14	МАГ-744	У	3340±20	3554-3637	Василевский и др., 2010
«	15	МАГ-745	У	3430±70	3552-3869	«
«	16	ЛЕ-4069	У	4180±180	4238-5145	«
«	17	ЛЕ-4068	У	4340±190	4425-5334	«
«	18	АА-36910	Н	4425±35	4871-5069	«
«	19	АА-36909	Н	4610±40	5342-5467	«
Белькачинские						
Усть-Чуга II	20	СОАН-6689	К	5310+/-115	5886-6312	Алексеев, Дьяконов 2009
Белькачи	21	ЛЕ-775	Д	4880+/-90	5449-5765	«
Большая Кюскэ	22	ИМ-458	?	4800+/-150	5267-5903	«
Сумнагин-1	23	ГИН-293	У	4200+/-100	4498-4971	«
«	24	ЛЕ-866	Д	3970+/-100	4148-4710	«
Таланда-2	25	ЛЕ-1619	У	4150+/-50	4566-4830	«
«	26	ЛЕ-1618	У	4120+/-60	4515-4829	«
Сиктях-1	27	ИМ-556	У	4120+/-120	4287-4882	«
Малая Гавань	28	Тка-14275	Н	5325+/-40	5992-6211	Fukuda et al 2011
«	29	Тка-14274	У	5040+/-30	5656-5772	«
«	30	Тка-14318	У	5070+/-35	5589-5663	«

алы в целом играют очень большую роль. Именно они используются для обоснования длительной хронологии имчинской культуры и определения её внутренней динамики, а также для выделения в её составе «не имчинских» компонентов / «культур». Анализ керамической коллекции поселения Имчин-2, хранящейся в фондах Сахалинского краеведческого музея, пока-

зывает, что в ней действительно представлены разновременные материалы. Далее я постараюсь дать их детальное описание и атрибуцию, надеясь, что это поможет более достоверно разграничить в коллекции собственно имчинский и «не имчинские» компоненты.

Во-первых, от имчинского комплекса должны быть обособлены материалы, найденные в жилище 23, откуда получена самая ранняя дата СОАН-1145 (табл. 1). Оно располагалось в 400 м от основной группы жилищ и имело слегка углублённое в землю основание (Васильевский, Голубев 1976, с. 22-23). Здесь обнаружено всего 10 фрагментов керамики, принадлежащих, судя по всему, одному сосуду (рис. 2, 3-4). По своему облику он близок к посуде южно-сахалинской культуры (Шубин и др. 1982; Голубев, Жущиховская 1987; Васильевский 2008: 189-200) или к керамике предшествующих ей памятников раннего неолита (Венское-4, Чайво-6, Адо-Тымово-2А) (Грищенко 2011).

Фрагменты этого сосуда имеют светлый желтовато-белесый цвет, а на отдельных участках, серые подпалины с нагаром. Минеральные примеси в них отсутствуют, но фиксируются включения мелко раздробленной ярко-красной глинистой породы (далее шамот) и крупные поры, легко соотносимые с примесью раковины (Рис. 5 б). Дно сосуда имеет большой диаметр и малый угол отклонения стенок. Венчик простой, обрез округлённый. Судя по всему, сосуд имел форму открытой высокой чаши с широким основанием и почти прямыми стенками. Орнамент отсутствовал. Толщина стенок варьировала от 0,6 см в приустьевой части до 0,9 см в придонной (Васильевский, Голубев 1976, табл. XII, 9-10).

На присутствие в материалах стоянки Имчин-2 керамики, характерной для комплексов раннего неолита и южно-сахалинской культуры, указывают и некоторые другие находки, все они сделаны в жилище № 1. Прежде всего – это фрагмент керамики (рис. 2, 5), повторяющий вышеперечисленные признаки сосуда из жилища № 23 (цвет, толщина стенки, отощитель), на поверхности которого отчётливо фиксируются регулярные рельефные следы гребенчатого заглаживания, типичные для ранней керамики Сахалина (см. напр. Васильевский 2008: 355, рис. 78; Яншина и др. 2012: рис. 4). Здесь же можно упомянуть два фрагмента абсолютно гладких стенок аналогичного качества, но с еще меньшим количеством ракушки в тесте (колл. № 3753/96-97). На одном из них в горизонтальном изломе фиксируется короткий спай

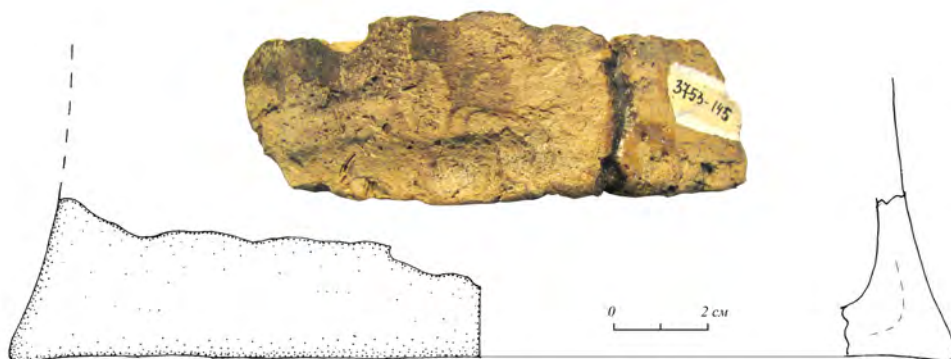

Рис. 3. «Не имчинская» керамика поселения Имчин-2. Фрагмент доньшка, керамика типа Тунайчи (жил. 1, колл. № 3753/145-146 и др.)

от крепления жгутов встык. И, наконец, нужно отметить венчик из жилища № 21 (рис. 2, 1) изготовленный из теста с примесью очень обильной крупной раковины и имеющий в нижнем изломе спай-«желобок».

Далее необходимо отметить миниатюрный игрушечный сосудик, повторяющий полностью морфологию сосудов южно-сахалинской культуры и их орнаментацию налепными выступами (рис. 2, 2), и ещё один фрагмент стенки – уже от сосуда обычного размера с аналогичным налепным выступом (колл. №3753/179). Оба они изготовлены из массы с ракушкой, но сама по себе ракушка почти не различима на их поверхностях.

Сравнивая эту керамику с керамикой имчинского комплекса, без труда увидим её отличия: более толстые стенки, простая нерасчленённая форма сосудов, простые венчики, наличие примеси красного шамота, крупная примесь ракушки, налепные детали-ручки. Эти же признаки характерны

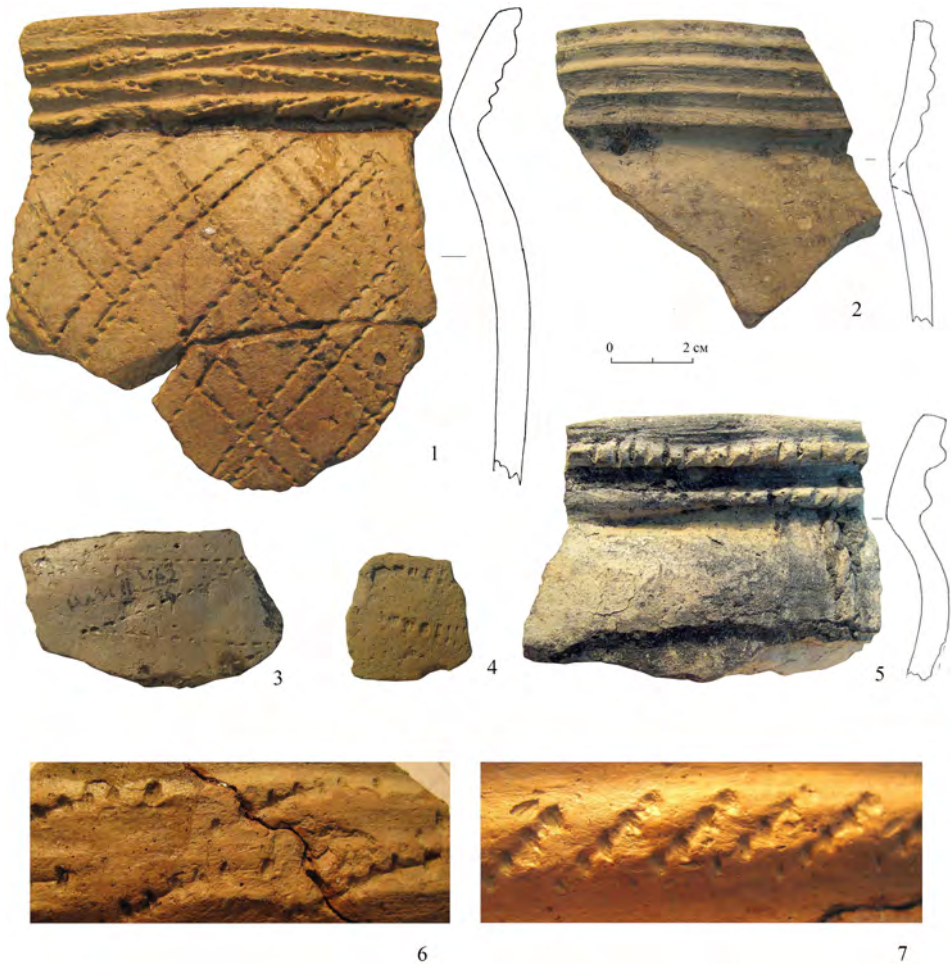

Рис. 4. Имчинская керамика поселения Имчин-2. 1-2 – фрагменты венчиков с выглаженными валиками; 3-4 – образцы вертикального зигзага на тулове; 5 – фрагмент венчика с налепными валиками; 6-7 – увеличенные изображения орнамента на венчиках (1 – жил. 1, колл. № 3753/173; 2 – жил. 20, колл. № 3760/919; 3 – жил. 21, колл. № 4388; 4 – жил. 20, колл. № 3760; 5-7 – жил. 21, колл. № 4388/ 91, 239, 48)

и для керамики южно-сахалинской культуры, а также предшествующих ей памятников. С последними её роднит и формовка тулова жгутами «встык» (Яншина и др. 2012; Яншина 2017).

Надо отметить, что приёмы формовки оказались очень показательным индикатором для Сахалина. Если имчинские сосуды собирались путем накладывания лент «внахлест», то вся более ранняя сахалинская керамика формовалась путём крепления узких жгутов «встык», за счет чего образовывались спаи характерной конфигурации. Данный способ формовки совершенно не типичен для материковых памятников, зато почти вся неолитическая керамика Японии, Хоккайдо, Курильских островов и Сахалина, начиная с древнейшей, которую мне приходилось обрабатывать, изготавливалась именно таким образом.

Во-вторых, абсолютно выбиваются из имчинского комплекса несколько фрагментов одного сосуда, найденных также в жилище № 1 (рис. 3). Они без труда могут быть сопоставлены с керамикой типа Тунайча, впервые выделенной в материалах поселения Седых-1 (Василевский 2008: 215-217). К сожалению, в литературе керамика этого типа описана очень скупо, но она имеет два ярких признака, которые мы и наблюдаем на упомянутых фрагментах с поселения Имчин-2. Это чрезмерно обильная примесь раковины в тесте, что в сочетании с отсутствием какой-либо специальной обработки поверхностей создаёт впечатление буквально сплошной пористости, а так-

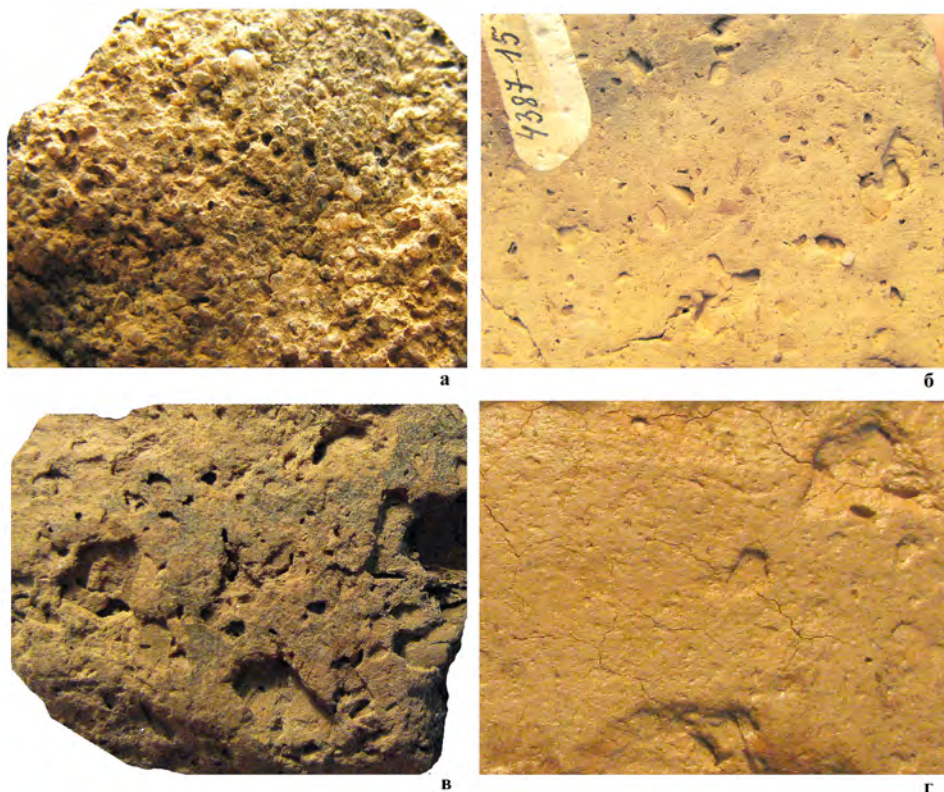

Рис. 5. Увеличенные фотографии поверхностей керамики разных типов с поселения Имчин-2: а – керамика с минеральной примесью; б, в – керамика с примесь крупной раковины, г – имчинская керамика

же очень характерная форма дна с массивным выступом-закраиной и обратным углом наклона стенок (т.е. не наружу, а внутрь сосуда).

В-третьих, за пределы имчинского комплекса должна быть выведена керамика с очень обильной примесью мелкозернистого песка (рис. 5а). Всего таких фрагментов 30, и все они найдены в жилище 20 (колл. № 3760/229, 392, 390, 646, 655 и др.). Очевидно, именно они послужили И.С. Жущиховской основанием для вывода о появлении в имчинском гончарстве более развитых навыков составления формовочных масс. По её данным, в керамике этой группы содержится до 50% песка кварц-полевошпатового состава с размером зёрен от 1 до 3 мм, тогда как в керамике, отошённой ракушкой, минеральная примесь представлена лишь единичными зёрнами (Жущиховская, Шубина 1987).

Всё это вполне соответствует и нашим наблюдениям. Однако важно, что помимо сырьевых отличий, керамика с минеральной примесью отличается от имчинской и некоторыми другими особенностями. Венчики её просты, чуть вогнуты внутрь, обрезы слегка уплощены, доньшки имеют небольшой угол отклонения стенок наружу (рис. 2, 6-10). Судя по всему, сосуды этой группы резко отличались по морфологии от имчинских и были похожи скорее на сосуд из жилища 23. Полное отсутствие орнамента и светлый желтовато-белесый цвет также сближают керамику с минеральным отощителем с этим сосудом.

К сожалению, уверенно соотнести данную группу керамики с тем или иным культурно-хронологическим комплексом Сахалина пока трудно. Высказывалось мнение, что именно эта посуда может соответствовать самым поздним датам поселения Имчин-2 (Василевский 2008: 213), однако надёжных оснований для такого заключения нет, так как сахалинская керамика этого времени помимо минеральных примесей отличается ещё целым рядом других специфичных признаков, которых у керамики поселения Имчин-2 нет: сквозные отверстия под венчиком, орнамент, формы сосудов, цвет, следы выбивки и т.п. По своему облику эта керамика всё-таки более соответствует традициям до-имчинского этапа в развитии керамических традиций Сахалина.

Несколько слов следует сказать и о самой имчинской керамике. В целом её характеристики соответствуют сказанному о ней ранее другими исследователями. Здесь хотелось бы подчеркнуть лишь некоторые моменты, связанные с возможной неоднородностью этой коллекции. На первый взгляд, оснований для таких заключений всё-таки нет. С точки зрения состава формовочных масс, особенностей формовки и общей морфологии посуды – вся имчинская коллекция должны быть признана единой.

Посуда, изготавливалась из массы, отошённой измельченной ракушкой моллюска, частички её были очень мелкими (рис. 5 г), что указывает, скорее всего, на предварительный обжиг ракушки. Объём отощителя варьировал, слабоотошённые сосуды казались более прочными и аккуратными. Формовалась посуда лентами, накладывающимися друг на друга. Снаружи сосуды заглаживались более тщательно, чем внутри.

Все фрагменты, отражающие форму сосуда, представляют слабопрофилированные ёмкости с короткой, как правило, резко отогнутой шейкой и высокими плечиками. Шейка формовалась из отдельной ленты. За счёт этого на участке её соединения с туловом с внутренней стороны сосуда часто образовывался характерный уступ. Внутренняя поверхность шейки

плоская или даже подчёркнуто вогнута, как будто её выправляли твердым лекалом. Внешняя её сторона оформлялась наклепной лентой, крепилась она встык к обрезу, а затем на ней выглаживалось два-три валика (рис. 4, 1-2). В одних случаях получались аккуратные, хорошо читаемые валики, в других – слаборельефные, теряющиеся, иногда прочерченные. В единичных случаях внешняя поверхность шейки оставалась гладкой или имела только один валик. Венчики имели плоские или уплощённые кромки.

Большая часть сосудов никакого орнамента, кроме выглаженных валиков, не имела. Узор на венчиках наносился стэком, обмотанным верёвкой (рис. 4, 6-7), в единичных случаях гладкой лопаточкой или ногтем. Оттиски получались длиной около 1-1,5 см, они захватывали либо один валик, либо сразу все валики, выстраиваясь либо в виде горизонтального ряда наклонных линий, либо двумя-тремя рядами линий с разным наклоном оттисков, образующих таким образом вертикальный зигзаг (рис. 4, 1). Орнамент на тулове наносился, напротив, твердым гребенчатым орудием. По имеющимся обломкам в коллекции восстанавливаются зигзагообразные композиции (рис. 4, 3-4), в одном случае – косая сетка (рис. 4, 1). Точная характеристика техники нанесения узоров на тулове затруднительна ввиду малочисленности фрагментов, но прокат можно полностью исключить. Единственный сосуд имел орнамент и на тулове, и на венчике, наносился он твёрдым орудием, даже на венчике (рис. 4, 1).

Возможно, различия, связанные с использованием гребенчатого и верёвочного орнаментирования, а также различия в техниках нанесения узора на тулове могут иметь отношение к внутренней динамике культуры, но доказать это ввиду общей малочисленности коллекции пока невозможно. Однако важно подчеркнуть, что даты по нагару на сосудах с гребенчатым узором и без него, т.е. только с выглаженными валиками на шейке, имеют близкие значения, а это означает, что специфика имчинского комплекса полностью сложилась уже на раннем этапе его существования. Вопрос только в том, как долго керамика этого типа просуществовала и можно ли связать с ней самые поздние даты поселения Имчин-2.

В связи с ответом на этот вопрос представляет интерес фрагмент верхней части сосуда, найденный в жилище № 21 (рис. 4, 5). Он единственный во всей коллекции имеет основания для соотнесения с поздними датами, т.к. если бы не обстоятельства его обнаружения, он мог быть уверенно соотнесен с керамикой раннего железного века Приамурья, известной в северо-восточной его части. Он имеет характерную форму и орнамент типичный для памятников этого круга: наклепные валики, рассечённые гладким стэком, опоясывают венчик и ритмично спускаются на тулово в виде «усов». В составе теста у этого сосуда отмечается ракушка, но заметна она только на внутренней поверхности, т.к. наружная тщательно заглажена, как и у многих имчинских сосудов.

От собственно имчинской керамики он отличается, строго говоря, только техникой выполнения орнамента. Вместо выглаженных валиков у него валики наклепные, вместо гребенчатых оттисков на эти валики нанесены оттиски гладкого стэка, причем последние не образуют зигзагообразных композиций, а просто рассекают валики по всей окружности, и, конечно, полностью выбивается он из этого ряда присутствием валика на тулове. Вместе с тем полной уверенности, что этот сосуд действительно отражает присутствие на памятнике ещё одно культурного компонента, всё-таки нет,

т.к. по остальным параметрам сосуд вполне вписывается в комплекс имчинской керамики.

Обсуждение

Присутствие в коллекции поселения Имчин-2 перечисленных выше «не имчинских» компонентов позволяет снять некоторые вопросы хронологии.

Самые ранние даты (СОАН-1145, МАГ-680) могут быть уверенно сопоставлены с материалами из жилища № 23 и керамикой, имеющей аналогии в раннем неолите Сахалина и гончарстве южно-сахалинской культуры, позднему этапу существования которой они в целом и соответствуют (Васильевский 2008: 189-200). Что касается предположения о связи этих дат с керамикой восточносибирского происхождения, имеющей верёвочный декор, то имеются большие сомнения в его обоснованности.

В коллекциях поселения Имчин-2, хранящихся в Сахалинском краеведческом музее, такой керамики в настоящий момент нет, но судя по её описаниям и рисункам, приведённым в публикации (Васильевский, Голубев 1976: табл. IX, 1-3), она может быть соотнесена с белькачинской культурой, памятники которой известны также на севере Сахалина и в бассейне Нижнего Амура. Хронология белькачинской культуры в родном ареале определяется С14 датами по углю в пределах 5310-4120 С14 л.н., при этом только одна дата старше пяти тысяч лет, остальные младше (Алексеев, Дьяконов 2009: 34). Даты по углю с поселения Малая Гавань в Приамурье попадают в интервал 5070-5040 С14 л.н., а по нагару на керамике оттуда же – 5325 С14 л.н. (табл. 1) (Fukuda et al 2011). Таким образом, получается, что даты из жилища 23 намного древнее даже самых ранних белькачинских дат.

Далее, выведение керамики с минеральными примесями за пределы имчинской культуры несколько меняет ситуацию вокруг тезиса о существовании двух этапов в её развитии, лишая его важного основания. Да и другие доводы в пользу этой гипотезы вызывают большие сомнения. В коллекции поселения Имчин-2 действительно есть фрагменты, отличающиеся хорошей выделкой и наличием обмазки на поверхностях, и фрагменты, производящие впечатление более примитивной обработки. Но такое сочетание можно наблюдать в абсолютно любой керамической коллекции.

Чтобы выделить на этом основании два разных хронологических этапа, нужно связать керамику разного облика с разными комплексами и разными датами, а сделать это по материалам поселения Имчина-2 невозможно, для этого нет никаких стратиграфических, планиграфических и даже типологических аргументов. Следует учитывать, что в жилищах 1, 20, 21, в которых была найдена предположительно поздняя керамика, собрано вообще подавляющее большинство её образцов, в остальных жилищах едва ли набирается с десяток черепков. Поэтому даже сопоставлять коллекции двух этих групп жилищ, не учитывая их слишком различающуюся репрезентативность, не вполне корректно. Другое дело, что можно задаться вопросом, почему только в этих трёх жилищах керамики найдено так много.

Несколько слов хотелось бы сказать и о происхождении имчинской культуры. Исследования последних лет позволяют прояснить вопрос об истоках её органогенной технологии. Как было установлено, практика отощения формовочных масс моллюском была типична для керамики большинства памятников раннего неолита Сахалина (Адо-Тымово-2, Венское-4, Чайво-6, Бердянские озера-2 и др.) (Яншина и др. 2012; Яншина 2017). Более того, можно уверенно говорить, что именно Сахалин являлся той зоной, где эта

практика получила максимально широкое распространение, а может быть и сформировалась.

В свете всех этих данных вопрос об истоках ракушечной технологии в имчинской культуре отпадает сам собой, правда, нельзя не отметить, что конкретные технологии подготовки отощителя в имчинской культуре сильно изменились. На это указывают разный видовой состав раковин (табл. 2) и различия в морфологии пор. Так, для керамики культуры сони был характерен крупный размер ракушечных обломков (в среднем не менее 0,5 см), а для имчинской (если брать для сравнения только те, что имеют характерные венчики) типичны очень мелкие и мельчайшие пустоты (в среднем менее 0,2 см), свидетельствующие о высокой степени измельчения раковины.

Таблица 2
Видовой состав моллюсков, использовавшихся в качестве отощителя для керамики южно-сахалинской и имчинской культур

Южно-сахалинская*	Имчинская**
<i>Nucella cf. freycineti</i>	<i>Arca boucardi</i>
<i>Dahurinaia cf. laevis</i>	<i>Macoma</i>
<i>Corbicula japonica</i>	<i>Corbicula japonica</i>
<i>Spisula sachalinensis</i>	<i>Nuculana spisula</i>

* Определения В.А. Ракова.

** По: Жущиховская, Раков 1994.

Что касается орнамента, объединяющего имчинские и вознесенские комплексы, то здесь пока ситуация остаётся неясной. Долгие годы считалось, что зигзаг, выполненный в гребенчато-пунктирной технике, появляется на юге Дальнего Востока России только в позднем неолите и со стороны Манчжурии, отсюда и вытекали выводы о его пришлом характере на этой территории в целом и в амуро-сахалинской зоне в частности (Мыльникова 1988: 12; 1992: 70-79; Мыльникова, Варенов 1993; Жущиховская 2004). В свете этих выводов вопрос о происхождении имчинской культуры оказывался лишь частью более общей проблемы поиска истоков вознесенской культуры. Исследования последних лет, между тем, показывают, что гребенчатый зигзаг мог появиться на Сахалине еще в до-вознесенское время. На это указывают следующие материалы и наблюдения.

Хорошо известно, что гребенчатые орнаменты в виде зигзага появились в бассейне Амура ещё на заре становления керамических технологий в рамках осиповской и громатухинской культур финального плейстоцена (Шевкомуд 1998). И.Я. Шевкомуд был первым (2004: 134), кто высказал предположение о возможности их латентного сохранения после исчезновения этих культур и вплоть до эпохи позднего неолита, однако никаких определённых подтверждений тому не было; сейчас они появились.

Так, на новом памятнике Ямихта-1 (Шевкомуд и др. 2015) были найдены культурные отложения раннеголоценового возраста, содержащие два различных керамических комплекса. Один из них, по-видимому более ранний, был представлен типичной осиповской керамикой (Яншина 2014: 48), а второй – керамикой необычного облика, в которой сочетались типичные осиповские традиции (гребенчатые трасы-прочесы, трава в качестве отощителя) и новые элементы (примесь ракушки в тесте, ушки-налепы на

венчиках и др.) (там же: рис. 49: 1-4). Интересно, что в составе коллекции присутствовали также фрагменты стенок с вертикальным гребенчатым зигзагом, внутренние поверхности которых были покрыты гребенчатыми прочесами (там же: рис. 49, 5-6). Как мы знаем, ранее такую керамику находили только в составе осиповских финально-плейстоценовых комплексов, для вознесеновской посуды техническая обработка вообще не характерна. К сожалению, возраст этих фрагментов достоверно не установлен.

Другим возможным подтверждением существования гребенчатых зигзагов в до-вознесеновское время являются материалы стоянки Набиль-1, расположенной на севере Сахалина в том же районе, что и опорные памятники имчинской культуры (Шубин 2008). Один из керамических комплексов этого памятника представлен посудой, украшенной гребенчатым зигзагом, однако по целому ряду признаков она выглядит старше керамики имчинско-вознесеновских памятников (Яншина 2015). На это указывают особенности ее залегания в слое, свидетельствующие о том, что она была как минимум древнее белькачинской. Кроме того, целый ряд признаков сближает её с до-вознесеновскими гончарными традициями: отощение шмотом, сосуды без горловин, простые венчики, не отделённые ни одним из возможных способов от остальной части тулова, обильная орнаментация, в том числе с «захватом» внутренней приустьевого стенки, преимущественно горизонтальный зигзаг, выполненный в специфичной технике «шагания», в том числе верёвочными орнаментирами, отсутствие криволинейных узоров и др.

И, наконец, ещё одна возможность более раннего проникновения гребенчатого зигзага на Сахалин связана с носителями белькачинской керамики. На Сахалине такая керамика была распространена примерно в том же ареале, что и имчинские памятники (Набиль-1, п. 2, Тымь-зона, Имчин-2 и др.) (Шубин 2008; Василевский 2008: 206-207; Василевский и др. 2010; Яншина 2015). Более того, в орнаментации имчинской керамики прослеживается ряд признаков, которые сближают её с белькачинской посудой.

Прежде всего, в этой связи обращает на себя внимание принцип локализации декоративного орнамента только в зоне венчика. То обстоятельство, что тулово белькачинских сосудов покрывалось при этом техническим декором, а на имчинской посуде оно либо оставалось гладким, либо украшалось гребенчатым узором, не отменяет важности данного наблюдения. Орнамент на тулове имчинских сосудов представлен буквально в единичных случаях. Если сосуды украшались, то чаще всего это был только венчик. Такая локализация декоративного орнамента одинаково выделяет белькачинскую и имчинскую посуду на фоне всех синхронных и непосредственно предшествующих им комплексов.

Не просто одинаковыми, а уникальными для близких по времени памятников амуро-сахалинской зоны на белькачинской и имчинской посуде были также мотивы орнамента и его техника. Особенно показателен орнаментир – палочка, обмотанная верёвкой, именно ею наносили узоры и имчинские, и белькачинские мастера. Сами узоры также схожи, это ряды наклонных от-тисков, часто образующие вертикальный зигзаг за счёт чередования наклона. На белькачинской посуде спектр мотивов шире. Не менее часто, чем вертикальный зигзаг, здесь можно встретить косую сетку и ряды горизонтальных линий, опоясывающих устье. И оба эти сюжета интересны в плане сопоставления с имчинской посудой.

Ряды горизонтальных линий перекликаются с самым специфичным и ча-стым имчинским узором – рядами выглаженных валиков, создающих всё тот же образ горизонтальных линий, опоясывающих устье. А сетка используется в качестве мотива для украшения тулова имчинских сосудов, что совершенно нетипично для вознесеновских памятников.

На синкретичный характер имчинской орнаментальной традиции может также указывать её дихотомия. С одной стороны, мы имеем верёвочный ор-наментир, с помощью которого украшалась только зона венчиков. И сам этот орнаментир, и морфология венчиков, которые им украшались, при этом близки к белькачинским. С другой стороны, мы имеем орнаменты на тулове, выполненные уже совершенно другим орудием – твердым гребенчатым инструментом. При этом мотивы орнамента и сам этот инструмент коррелируют уже с вознесеновской (или более широко – с амурской) орнаментальной практикой. Единственным «выпадающим» из неё элементом выступает косая сетка, которая сближает имчинскую керамику опять же с белькачинской.

В целом можно сказать, что сходство имчинской и белькачинской керамики прослеживается по комплексу признаков: это не только общая зональность декора, но и сходство инструментов и техник его исполнения, а также мотивов. Для оценки этого сходства важно понимать, что данный комплекс признаков не просто объединяет белькачинские и имчинские памятники, но и выделяет их на фоне всех комплексов близкого возраста, известных в амуро-сахалинской зоне. На мой взгляд, есть все основания ставить вопрос о генетической связи между белькачинской и имчинской керамическими традициями.

Таким образом, в свете имеющихся на сегодняшний день данных формирования имчинской культуры представляется более сложным процессом, чем это считалось ранее, когда она рассматривалась исключительно как далёкий островной вариант вознесеновской культуры. Как минимум можно считать доказанным, что и на самом Сахалине были свои источники сложения ее совершенно новой по облику керамической традиции. Это касается технологии отощения посуды моллюском, которая, как теперь выясняется, была характерна для Сахалина буквально с момента зарождения здесь гончарных традиций. Кроме того, есть веские основания полагать, что в сложении имчинского керамического комплекса могли принять участие создатели белькачинской керамики, имевшей хождение на севере Сахалина на предыдущем этапе развития.

Литература

- Алексеев А.Н., Дьяконов В.М. 2009. одизация, рубежи и контактные зоны Радиоуглеродная хронология культур эпохи неолита в островном мире дальневосточных морей (в свете радиоуглеродной хронологии памятников Сахалина и Курильских островов). *Археология, этнография и антропология Евразии* 3(39), 26-40.
- Василевский А.А. 2008. *Каменный век острова Сахалин*. Южно-Сахалинск: Сахалинское книжное издательство.
- Васильевский Р.С., Голубев В.А. 1976. *Древние поселения на Сахалине*. Новосибирск: Наука.
- Василевский А.А., Грищенко В.А., Орлова Л.А. Пери-

Голубев В.А., Жущиховская И.С. Неолитическая культура Южного Сахалина в свете анализа керамических комплексов. В: *Вопросы археологии Дальнего Востока СССР*. Владивосток, 1987, 25-33.

Грищенко В.А. *Ранний неолит острова Сахалин*. Южно-Сахалинск, 2011.

Козырева Р.В. *Древний Сахалин*. Л., 1967.

Жущиховская И.С., Шубина О.А. 1987. Периодизация имчинской неолитической культуры в свете анализа керамической традиции. В: *Новые материалы по первобытной археологии юга Дальнего Востока*. Владивосток, 7-11.

Жущиховская И.С., Раков В.А. 1994. О результатах определения раковин моллюсков в формовочной массе древней керамики Дальнего Востока. *Краеведческий бюллетень* 4, 112-120.

Жущиховская И.С. 2004. *Очерки истории древнего гончарства Дальнего Востока России*. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН.

Можаев А. В. 2013. Археологические раскопки жилища имчинской неолитической культуры на поселении Левый-2 в 2012 г. *Учёные записки Сахалинского государственного университета* 1(10), 113-117.

Мочанов Ю.А. 1969. *Многослойная стоянка Белькачи-1 и периодизация каменного века Якутии*. М.: Наука.

Мыльникова Л.Н. 1988. Гончарные традиции в неолитической керамике поселения Сучу. В: *Технология древних производств*. Препринт. Владивосток, 10-12.

Мыльникова Л.Н. 1995. Неолитическая керамика поселения Кондон-почта и проблемы изучения неолита Нижнего Амура. В: *Археология вчера, сегодня, завтра*. Новосибирск, 19-23.

Мыльникова Л.Н., Варенов А.В. 1992. Взаимосвязь неолитических культур нижнего Амура с Северо-Восточным Китаем. В: *XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае»*. М., 10-13.

Мыльникова Л.Н. 1999. *Гончарство неолитических племен Нижнего Амура (по материалам поселения Кондон-Почта)*. Новосибирск.

Шевкомуд И.Я. 1998. Керамика начального неолита Приамурья. *Россия и АТР* 1, 80-89.

Шевкомуд И.Я. 2004. *Поздний неолит Нижнего Амура*. Владивосток: ДВО РАН.

Шевкомуд И.Я., Кузьмин Я.В. 2009. Хронология каменного века Нижнего Приамурья (Дальний Восток России). В: *Культурная хронология и другие проблемы в исследованиях древностей востока Азии*. Отв. ред. И.Я. Шевкомуд. Хабаровск: ХККМ им. Н.И. Гродекова, 7-46.

Шевкомуд и др. 2015: Шевкомуд И.Я., Фукуда М., Онуки С., Сато Х., Кумаки Т., Куникита Д., Горшков М.В., Учида Х. К проблеме раннего неолита в Нижнем Приамурье: результаты исследования поселения Ямихта. В: *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития*. Материалы региональной научной конференции. Владивосток, 18-20 ноября 2013 г.). Отв. ред. Н.А. Клюев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 11-32.

Шубин В.О. 2008. Археологические исследования в Ногликском районе Сахалинской области в рамках проекта «Сахалин-2». В: *Природа, история и культурное наследие Сахалинской области: исследования и о открытия*. Материалы науч. конф., посвящ. 110-летию Сахалинского музея (1896-2006 гг.), г. Южно-Сахалинск, 27-28 ноября 2006 г. Южно-Сахалинск, 135-168.

Шубин В.О., Шубина О.А. 1987. Новые радиоуглеродные датировки археологических памятников Сахалинской области. В: *Древности Сибири и Дальнего Востока*. Новосибирск: 95-103

Шубина О.А. 1985. Исследование неолитического поселения Имчин XII на северном Сахалине. В: *Новое в археологии севера Дальнего Востока (материалы Северо-Восточной Азиатской комплексной археологической экспедиции)*. Магадан, 143-162.

Шубина О.А. 1986. *Типология каменного инвентаря неолитического поселения Имчин-12 на северном Сахалине*. Препринт. Южно-Сахалинск,

Шубина О.А. 1987. *Жилища поселений имчинской неолитической культуры (Северный Сахалин)*. Препринт. Южно-Сахалинск.

Шубина О.А. 1990. *Каменный век Северного Сахалина (имчинская неолитическая культура)*. Автореферат дисс. канд. ист. наук. Л.

Шубина О.А., Жущиховская И.С. 1986. К вопросу о выделении локальных культур в неолите Северного Сахалина (по материалам керамических традиций). В: XXVII съезд КПСС и задачи музейного строительства в Сахалинской области. Препринт. Южно-Сахалинск, 16-18.

Яншина О.В. 2014. Ранненеолитическая керамика стоянки Ямикхта. В: Fukuda M. et al. (Ed.) *An Archaeological Study on Prehistoric Cultural Interaction in the Northern Circum Japan sea area: Yamikhta Site Excavation Report*. Tokyo: Tokoro Research Laboratory of The University of Tokyo, 141-152

Яншина О.В. 2015. Неолитическая керамика поселения Набиль-1, пункт 2 (о. Сахалин). В: *Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития* (Материалы региональной научной конференции, Владивосток, 18-20 ноября 2013 г.). Отв. ред. Н.А. Ключев. Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 63-83.

Яншина О.В. 2017. Новые данные о керамике культуры сони и её происхождении. В: *Археология Circum-Pacific: Памяти Игоря Яковлевича Шевкомуда*. Отв. ред. С.В. Батаршев, А.М. Шиповалов. Владивосток: «Рубеж».

Яншина и др.: Яншина О.В., Горбунов С.В., Кузьмин Я.В. 2012. К вопросу о раннем неолите Сахалина. *Россия и АТР* 2, 31-49.

TOWARDS UNDERSTANDING THE IMCHIN CULTURE, ITS CERAMICS, CHRONOLOGY AND ORIGIN

O.V. Yanshina

Imchin culture represents the Late Neolithic of Sakhalin Island. That was a crucial epoch in the history of Far East indigenous populations: previous Early Neolithic culture (known as Sony culture) was disappeared and new cultural groups were arisen. Latter are understood poorly now, and Imchin culture is one of them. It was spread mainly on the northern part of Sakhalin, its chronology is controversy and its origin is unknown. Many researchers believe that this culture was originated in the Amur river basin and therefore they consider it is a Sakhalin branch of the adjacent Amur culture named Voznesenovskaya culture. Other researchers suppose that Imchin culture was local originally. They argue also that bearers of Imchin culture moved from Sakhalin to Amur River region. This paper focuses on ceramics from Imchin-2 settlement which is the key site of Imchin culture. The analysis of the ceramics allows to clarify the chronology of this culture and raises the question of possible genetic links between ceramic traditions of Imchin culture and Belkachi culture of East Siberia (Yakutiya). It seems Imchin culture was formed by the local populations on the northern part of Sakhalin island but through the mediation of Belkachi culture representatives.

Key words: Sakhalin, Late Neolithic, Imchin-2 settlement, Imchin culture, Belkachi culture, ceramics

References

Alekseev A.N., Dyakonov V.M. 2009. Radiouglerodnaya khronologiya kultur neolita i bronzovogo veka Yakutii [Radiocarbon chronology of Neolithic and Bronze Age cultures in Yakutia]. In *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia] No. 3(39), pp. 26-40.

Vasilevskij A.A. 2008. Kamennyj vek os-

trova Sakhalin [Stone Age of Sakhalin Island]. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalinskoe knizhnoe izdatelstvo.

Vasilevskij et al. 2010: Vasilevskij A.A., Grishhenko V.A., Orlova L.A. Periodizatsiya, rubezhi i kontaktnye zony ehpkhi neolita v ostrovnom mire dalnevostochnykh morej (v svete radiouglerodnoj khronologii pamyatnikov Sakhalina i Kuril-

skikh ostrovov) [Periods, boundaries, and contact zones in the Far Eastern insular world of the Neolithic (based on the radiocarbon chronology of sites on the Sakhalin and Kuril Islands)]. *In Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archaeology, ethnography and anthropology of Eurasia] No. 1 (41), pp. 10-25.

Vasiljevskij R.S., Golubev V.A. 1976. Drevnie poseleniya na Sakhaline [Ancient dwelling sites on Sakhalin]. Novosibirsk: Nauka.

Golubev V.A., Zhushhikhovskaya I.S. Neoliticheskaya kultura Yuzhnogo Sakhalina v svete analiza keramicheskikh kompleksov [Neolithic culture of southern Sakhalin in light of analysis of ceramic assemblages]. *In Voprosy arkheologii Dalnego Vostoka SSSR* [Problems of archaeology of Far East USSR]. Vladivostok, 1987, pp. 25-33.

Grishhenko V.A. Rannij neolit ostrova Sakhalin [Early Neolithic of Sakhalin island]. Yuzhno-Sakhalinsk, 2011.

Kozyreva R.V. Drevnij Sakhalin [Prehistoric Sakhalin]. Leningrad, 1967.

Zhushhikhovskaya I.S., Shubina O.A. 1987. Periodizatsiya imchinskoj neoliticheskoy kultury v svete analiza keramicheskoy traditsiyu [Period sequencing for Imchi Neolithic culture based on analysis of ceramic tradition]. *In Novye materialy po pervobytnoj arkheologii yuga Dalnego Vostoka* [New data on primeval archaeology]. Vladivostok, pp. 7-11.

Zhushhikhovskaya I.S., Rakov V.A. 1994. O rezultatakh opredeleniya rakovin mollyuskov v formovochnoj masse drevnej keramike Dalnego Vostoka [On results of cataloguing mollusk shells found in ancient Far Eastern ceramic dough]. *In Kraevedcheskij byulleten* [Area studies bulletin] 4, pp. 112-120.

Zhushhikhovskaya I.S. 2004. Ocherki istorii drevnego goncharstva Dalnego Vostoka Rossii [Essays on history of ancient pottery of Russian Far East]. Vladivostok: IHAЕ DVO RAN.

Mozhaev A.V. 2013. Arkheologicheskie raskopki zhilishha imchinskoj neoliticheskoy kultury na poselenii Levj-2 v 2012 g. [Archaeological excavation of a dwelling attributed to Neolithic Imchin culture at the Levj-2 settlement site in 2012]. *In Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo*

universiteta [Sakhalin State University Scientific Bulletin] No. 1(10), pp. 113-117.

Mochanov Yu.A. 1969. Mnogoslojnaya stoyanka i periodizatsiya kamennogo veka Yakutii [Multilayer camp site Belkachi-1 and period sequencing of the Stone Age in Yakutia]. Moscow: Nauka.

Mylnikova L.N. 1988. Goncharnye traditsii v neoliticheskoy keramike poseleniya Suchu [Ceramic traditions in Neolithic pottery of Suchu settlement site]. *In Tekhnologiya drevnikh proizvodstv* [Prehistoric production technologies]. Preprint. Vladivostok, pp. 10-12.

Mylnikova L.N. 1995. Neoliticheskaya keramika poseleniya Kondon-pochta i problemy izucheniya neolita Nizhnego Amura [Neolithic pottery of Kondon-pochta settlement and problems of Neolithic studies at Lower Amur]. *In Arkheologiya vchera, segodnya, zavtra* [Archaeology yesterday, today, tomorrow]. Novosibirsk, pp. 19-23.

Mylnikova L.N., Varenov A.V. 1992. Vzaïmosvyaz neoliticheskikh kultur nizhnego Amura s Severo-Vostochnym Kitaem [Interconnection between Neolithic cultures of Lower Amur and northeastern China]. *In XXIII nauchnaya konferentsiya «Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae»* [23d scholarly conference "Society and polity in China"]. Moscow, pp. 10-13.

Mylnikova L.N. 1999. Goncharstvo neoliticheskikh plemen Nizhnego Amura (po materialam poseleniya Kondon-Pochta) [Pottery produced by Neolithic tribes of Lower Amur (by data from Kondon-Pochta settlement site)]. Novosibirsk.

Shevkomud I.Ya. 1998. Keramika nachalnogo neolita Priamurya [Ceramics from early Neolithic in Priamurye]. *In Rossiya i ATR* [Russia and the Pacific] 1, pp. 80-89.

Shevkomud I.Ya. 2004. Pozdnij neolit Nizhnego Amura [Late Neolithic of Lower Amur]. Vladivostok: DVO RAN.

Shevkomud I.Ya., Kuzmin YA.V. 2009. Khronologiya kamennogo veka Nizhnego Priamurya (Dalnij Vostok Rossii) [Chronology of Stone Age around Lower Amur]. *In Kulturnaya khronologiya i drugie problemy v issledovaniyakh drevnostej vostoka Azii*. Otv. red. I.YA. Shevkomud [Cultural chronology and other problems of ancient Orient studies. Ed.-in-Chief I.YA. Shevko-

mud]. Khabarovsk: KHKKM im. N.I. Grodekova, pp. 7-46.

Shevkomud i dr. 2015: Shevkomud I.Ya., Fukuda M., Onuki S., Sato Kh., Kumaki T., Kunikita D., Gorshkov M.V., Uchida Kh. K probleme rannego neolita v Nizhnem Priamurje: rezultaty issledovaniya poseleniya Yamikhta [Back to the problem of early Neolithic in Lower Amur: results of investigations at Yamikhta settlement site]. In *Pervobytnaya arkhologiya Dalnego Vostoka Rossii i smezhnykh territorij Vostochnoj Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya. Materialy regionalnoj nauchnoj konferentsii. Vladivostok, 18-20 noyabrya 2013 g.* Otv. red. N.A. Klyuev [Prehistoric archaeology of Russian Far East and adjacent East Asian territories: contemporary standing and future goals. Proceedings of regional scholarly conference. Vladivostok, Nov. 18-20, 2013. Ed.-in-Chief N.A. Klyuev]. Vladivostok: IIAEH DVO RAN, pp. 11-32.

Shubin V.O. 2008. Arkheologicheskie issledovaniya v Noglikskom rajone Sakhalinskoj oblasti v ramkakh proekta «Sakhalin-2» [Archaeological research in Noglikski district of Sakhalin Oblast as defined by “Sakhalin-2” project]. In *Priroda, istoriya i kulturnoe nasledie Sakhalinskoj oblasti: issledovaniya i otkrytiya: Materialy nauch. konf., posvyashh. 110-letiyu Sakhalinskogo muzeya (1896-2006 gg.), g. Yuzhno-Sakhalinsk, 27-28 noyabrya 2006 g.* [Nature, history, and cultural heritage of Sakhalin Oblast: research and discoveries. Proceedings of scholarly conference commemorating the 110th anniversary of Sakhalin museum (1896-2006), city of Yuzhno-Sakhalinsk, Nov. 27-28, 2006]. Yuzhno-Sakhalinsk, pp. 135-168.

Shubin V.O., Shubina O.A. 1987. Novye radiouglerodnye datirovki arkheologicheskikh pamyatnikov Sakhalinskoj oblasti [New radiocarbon dates for archaeological sites in Sakhalin Oblast]. In *Drevnosti Sibiri i Dalnego Vostoka* [Prehistoric artefacts of Siberia and Far East]. Novosibirsk: pp. 95-103.

Shubina O.A. 1985. Issledovanie neoliticheskogo poseleniya Imchin XII na severnom Sakhaline [Investigation of Neolithic settlement site of Imchin XII in northern Sakhalin]. In *Novoe v arkheologii severa Dalnego Vostoka (materialy Severo-*

Vostochnoj Aziatskoj kompleksnoj arkhologicheskoy ehkspeditsii) [Novelties in archaeology of northern Far East (proceedings of North-East Asia Integrated Archaeological Expedition)]. Magadan, pp. 143-162.

Shubina O.A. 1986. Tipologiya kamennogo inventarya neoliticheskogo poseleniya Imchin-12 na severnom Sakhaline. Preprint [Typology of lithic inventory from Neolithic settlement site Imchin-12 in northern Sakhalin. Preprint]. Yuzhno-Sakhalinsk.

Shubina O.A. 1987. Zhilishha poselenij imchinskoj neoliticheskoy kultury (Severnyj Sakhalin). Preprint [Dwellings on settlement sites of Neolithic Imchin culture (Northern Sakhalin). Preprint]. Yuzhno-Sakhalinsk.

Shubina O.A. 1990. Kamennyj vek Severnogo Sakhalina (imchinskaya neoliticheskaya kultura). Avtoreferat diss. kand. ist. nauk [Stone Age of Northern Sakhalin (Imchin Neolithic culture). Abstract of PhD thesis in history]. Leningrad.

Shubina O.A., Zhushhikhovskaya I.S. 1986. K voprosu o vydelenii lokalnykh kultur v neolite Severnogo Sakhalina (po materialam keramicheskikh traditsij) [More on the problem of recognizing local cultures during the Neolithic in Northern Sakhalin (by ceramic evidence)]. In *XXVII sjezd KPSS i zadachi muzejnogo stroitelstva v Sakhalinskoj oblasti.* Preprint [27th CPSU Congress and goals to be achieved in the development of museum sphere]. Yuzhno-Sakhalinsk, pp. 16-18.

Yanshina O.V. 2014. Ranneneoliticheskaya keramika stoyanki Yamikhta [Early Neolithic ceramics from the camp site of Yamikhta]. In Fukuda M. et al. (Ed.) *An Archaeological Study on Prehistoric Cultural Interaction in the Northern Circum Japan sea area: Yamikhta Site Excavation Report.* Tokyo: Tokoro Research Laboratory of the University of Tokyo, pp. 141-152.

Yanshina O.V. 2015. Neoliticheskaya keramika poseleniya Nabil-1, punkt 2 (o. Sakhalin) [Neolithic ceramics from settlement site Nabil-1, punkt 2 (island Sakhalin)]. In *Pervobytnaya arkhologiya Dalnego Vostoka Rossii i smezhnykh territorij Vostochnoj Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya (Materialy regionalnoj nauchnoj konferentsii, Vladivostok, 18-20 noyabrya 2013 g.)*. Otv. red. N.A. Klyuev [Prehistoric

ic archaeology of Russian Far East and adjacent East Asian territories: contemporary standing and future goals. Proceedings of regional scholarly conference. Vladivostok, Nov. 18-20, 2013. Ed. in Chief N.A. Klyuev]. Vladivostok: IHAЕ DVO RAN, pp. 63-83.

Yanshina O.V. 2017. Novye dannye o keramike kultury soni i eyo proiskhozhdenii [New data on pottery of Soni culture and its origin]. *In Arkheologiya Circum-Pasific: pamyati Igorya Yakovlevicha Shevkomuda*. Otv. red. S.V. Batarshhev, A.M. Shipovalov [Circum-Pasific archaeology: in memoriam of Igor Yakovlevich Shevkomud. Eds.-

in-Chief S.V. Batarshhev, A.M. Shipovalov]. Vladivostok: "Rubezh".

Yanshina i dr.: Yanshina O.V., Gorbunov S.V., Kuzmin YA.V. 2012. K voprosu o ranem neolite Sakhalina [More on the problem of early Neolithic at Sakhalin]. *In Rossiya i ATR [Russia and the Pacific] 2*, pp. 31-49.

Fukuda M., Shevkomud I., Uchida K., Kumaki T. (Ed.) A study on the formation and transformation process of sedentary food gathering society in Northeast Asia. Tokyo: Tokoro research laboratory of the University of Tokyo, 2011.